

Денис Олегович ПАРАМОНОВ — заместитель директора IISDP по научной работе

External Relations как новая гуманитарная практика

В нашем мире сложно не то, что он неразумен, и даже не то, что он разумен. Чаще всего беда в том, что он разумен — но не совсем.

Г.К. Честертон

Автор нашумевшего в свое время исследования «Фабрики мысли» Пол ДИКСОН (Paul Dickson/ «THINK TANKS») приводит очень любопытный факт. В начале Второй мировой войны выяснилось, что один солдат («одна боевая единица») стандартного артиллерийского расчета английской армии был ничем не занят. У него не было никаких обязанностей, «лишняя единица в штате». Чуть позже — благодаря специальным исследованиям — обнаружили, что этот «солдат-бездельник» значился «ездовым»: он должен был обслуживать лошадей. Однако конная тяга в артиллерии использовалась akurat четверть века назад — в Первую мировую. Английская военная машина по инерции воспроизводила десятки лет — год за годом — бесполезные нормативы и системы расчетов. Армейская вертикаль спокойно выполняла правила, казавшиеся незыблемыми, тысячи людей находились под властью устаревших клише.

Я считаю, что это установление факта «лишнего звена» в артиллерийском подразделении является научным открытием. Наука может открывать не только что-то невидимое обычному глазу, не только «расколдовывать» мир, но и проливать свет на то, что находится на виду. Делать что-то «по-научному» не обязательно предполагает обременять себя расчетами и научными выкладками. Важно понимать, что и

мнение, разделяемое большинством, может быть ошибочным. При том, что зачастую инерционность отражается на судьбах многих людей, народностей, государств, человеческое сознание продолжает цепляться за привычные схемы, выполняя какое-то свое трагическое предназначение.

Встречаясь с самыми разными людьми — от нелегальных мигрантов до чиновников самого высокого уровня — я замечал это очарование стереотипами, это желание следовать инерции привычных схем. При этом мои собеседники в личном общении проявляли высочайший уровень интеллекта и глубину жизненного опыта. Но когда они приступали к своим непосредственным обязанностям, будь то управление государством, дипломатическая деятельность или просто работа официантом в ресторане, я понимал: их де-

Научно-техническая революция уже незаметна на фоне «бархатных революций» в странах, «потребительских революций» в обществе.

ятельность очень часто воспроизводит этих самых «ездовых» — ненужный распорядок, устаревшие звенья самых разных инерционных механизмов. Самое интересное — среди подавляющего большинства людей авторитет науки бесспорен, многие сегодняшние деятели имеют ученые степени и звания.

Но является ли сегодня наука в ее «чистом виде» таким же эффективным инстру-

ментом познания, как во времена апологета «умных танков» Пола Диксона?

ИНСТИТУТЫ НАУКИ И ЗАПРОС НА ЗНАНИЯ

По данным исследователей науки (Д. Прайс, М.К. Петров), в конце прошлого века редакторы и референты ведущих научных журналов США отклоняли, хоронили в редакционной корзине: 90 % рукописей в исторических журналах, 85 — в философских, 78 — в социологических, 70 — в психологических, 69 — в экономических, 50 — в математических, 31 — в химических, 24 — в физических.

Статистика поучительная как для редакторов журналов, так и для авторов, рассылающих свои рукописи-тексты в редакции. Но есть в этих цифрах кое-что еще: значительная разница между «ненужными» гуманитарны-

ми рукописями и востребованностью работ по естественным наукам. Тогда, во второй половине двадцатого века, этот диспаритет «физиков» и «лириков» был очевиден для всех. Идеал ученого — это не дискредитирующий себя «общественник», а математик или физик. Естественные науки всегда точны, чего не скажешь о гуманитарных дисциплинах. Наконец, всюду шла научно-техни-

ческая революция (НТР — модная тогда была аббревиатура), и передний край инноваций был очевиден: физика, химия, математика.

Сегодня рукописей шлют меньше: научные журналы перестали быть центром притяжения творческой активности масс. Несмотря на то, что наука продолжает быть «фабрикой инноваций и прогресса», она гораздо меньше влияет на судьбы миллионов людей на планете, на миропорядок в целом. Романтика достижений науки и техники поблекла. Сегодня прорывы науки сразу же обретают вид новых компаний или новых эмиссий акций на бирже. Сам прогресс (научный или технологический) уже не является самостоятельной ценностью и все больше объявляется «службой глобализации». Научно-техническая революция уже незаметна на фоне «бархатных революций» в странах, «потребительских революций» в обществе. Авторитет ученых заметно угас, их голос стал тише, наука полностью замкнулась на технологию, отказав себе в непосредственном влиянии на общество. При этом запрос на понимание обществом самого себя сегодня сравним с запросом на научно-технический прогресс прошлого века. То есть гуманитарии-общественники могут радоваться. В корзину — уже на «Рабочем столе» редакционного компьютера — отправляют значительно меньший процент гуманитарных разработок.

Скорее всего, сегодняшняя статистика «рукописей для корзины» стала бы совсем оптимистичной для гуманитариев, если бы научные журналы оставались центрами концентрации знаний. Если бы...

НЕОБХОДИМОСТЬ НОВОГО СИНТЕЗА

Несмотря на то, что в мире, вроде бы, не осталось «белых пятен», человек, как и много веков назад, застается врасплох: область непознанного и непонятого ничуть не уменьшилась. Заметим, что эта область непознанного сияет на контрасте с огромными объемами информации, проходящими сегодня по мировым информационным сетям. Человеческая повседневность, традиционные схемы самоопределения проходят испытания не только интенсивностью мировых процессов. С середины XX века надо брать в расчет так называемый экономический фактор. Или, говоря точнее, фактор экономического знания. Сегодня этот когнитивный слой претендует на самостоятельную систему экономических аксиом, на собственную точку зрения о Вселенной, на свою уникальную институционализацию.

Мы не имеем более обоснованного метода сбора знаний о мире, нежели как «добыча» их из существующих социальных практик.

Классики экономической мысли не рассматривали рынок и обмен товарами как систему знаний. Например, величайший исследователь общества и человечества назвал свой труд «Капитал». Очевидно, что сфера экономического познания не может стать одной из ветвей естественных наук (мы не рассматриваем использование математики или физики в экономических выкладках: формулы и расчеты есть и в философии, и даже в мировых религиях). Но также не-

сомненной является необходимость синтезировать, «сшить» всю эту значимую для человека мозаику знаний и сведений. Несмотря на изощренные системы расчетов в экономике (один метод «Монте-Карло» чего стоит!), данная область познания уже боится недугом «отчужденности», оторванности от конкретных нужд и запросов — болезнью экстенсивного роста любой информационной системы. Знания по экономике, по теории организаций и менеджменту, гуманитарные знания — вот, что сегодня формирует картину мира.

Но сможет ли гуманитарная мысль «сшить» быстрорастущий «экономикс» со своей теорией и практикой?

Это делать необходимо.

А где сегодня «живет» гуманитарная мысль? Исследования природы естественными науками опирались на трехсотлетнюю историю науки как института, но исследо-

вания общества до сих пор не нашли подходящий «институциональный» формат. Ни оборудованные лабораториями и аудиториями институты, ни экспериментальные базы, ни номенклатура ученых степеней и званий, ни структура организации научного исследования (НИОКР) не «заточены» под гуманитарные проблемы современности.

Гуманитарную мысль о современности надо «ловить», нынешних гениев-Диогенов надо доставать из «бочек» и просить их говорить. Поймаем ли? Смогут ли?

Сегодня лаборатории по производству новых знаний о мире — таких нужных знаний — скрыты «информационными оболочками», PR-службами, уплощенными и стандартными «пресс-релизами» для «обыкновенных любопытствующих». Чтобы вытащить ноу-хау в области разработки, хранения и передачи новых знаний об обществе, требуются дополнительные усилия.

Мы имеем дело не с природой, как классическая наука. Мы имеем дело с миром людей. Нам нужны другие институты, нежели классические НИИ, другие площадки обсуждения, нежели лекционные аудитории.

Мы не имеем более обоснованного метода сбора знаний о мире, кроме как «добыча» их из существующих социальных практик. Будь то практика «креативной экономики», осмысляемой Ричардом ФЛОРИДА, практика свободы и «свободных агентов» Дэна ПИНКА, коммуникация сетевых структур Рэндалла КОЛЛИНЗА или разработки модного сегодня «цивилизационного подхода» — все эти актуальные массивы информации и текстов имеют статус не столько исследовательский, сколько практический. И,

наоборот, действия конкретных мировых лидеров, значимых на планете людей могут расцениваться подобным образом: или как новое слово, или – «воспроизводство нормативов для ездовых солдат».

Мы сначала должны «нащупать» мировую практику, основанную на новом знании. Потом – «вскрыть», расшерметизировать практическую деятельность и эксплицировать, вывести новое знание о современном мире. И лишь на следующем шаге сделать эти знания достоянием интеллектуалов всего мира.

ER-СТРАТЕГИЯ И ПРАКТИКИ СВОБОДЫ

Все эти годы коллектив нашего института жил и творил в самых разных направлениях. Мы видим, как ежегодно мировые процессы интенсифицируются и как все острее становится потребность в открытиях, подобно открытию этого самого «лишнего солдата». Нам очевидно, с какой скоростью морально устаревают категории, которыми мы привыкли мыслить всё вокруг: от малого семейного предпринятия до целого мира. При этом старые ценности и принципы никуда не исчезли: в речах политиков, в текстах дипломатической переписки, в расчетах бизнесмена и исследованиях современного ученого по-прежнему актуальны проблема свободы, проблема человека, проблема границ познания. Сегодня международная экономика и внешнеэкономические связи – теория и практика – должны помещаться внутри более обширных гуманитарных контекстов.

Для меня среди людей резко выделяются те, кто смог переосмыслить проблему свободы. Кто готов сегодня меняться, расставаться

со стереотипами, искать нового знания, действовать. Интенсивность мировой динамики порождает все большее количество людей, меняющих мир: это взаимовлияние необратимо. Вопрос о свободе – классический вопрос европейской философии – сегодня обрел новое звучание. Свободе самодостойного «эскапизма» и «номадической» свободе перемещения противостоит свобода как вызов. Как возможность изменить мир.

Для актуализации своей свободы человеку XXI века нужно много знать и уметь. В практику свободы «защиты» современные экономические знания, понимание цивилизационного устройства мира, навыки межкультурного диалога, способности осмыслять себя «здесь-и-теперь», не разрушая собственную идентичность. Практика свободы сегодня уже есть – она нуждается в глубочайших исследованиях и интенсивных обсуждениях. Свободный труд «креативного класса» и «свободных агентов», экспансии и реорганизации корпораций и экономические атаки «бизнес-ангелов», попытки доминирования в мире этносов и государств, «языковая политика» – признаки нового запроса на новые знания... Сегодня быть свободным очень сложно – есть люди, готовые быть свободными «по-сложному». Еще сложнее – не «скользить» вдоль мировых силовых линий, но рационально воплощать то, что задумано.

Есть новая формация человек. Готовых испытать «предопределенность условий собственного рождения» и не потерять идентичность. Способных стать «гражданами мира», не изменив собственным ценностям. Любознательные, испытывающие потребность в новых знаниях, в сложных моделях мира.

Мы можем сидеть у экранов компьютеров и телевизоров и думать, что знаем все про этот мир. Мы можем даже не проявлять особого любопытства и жить по накатанной колее. Можно даже выезжать в другие страны в качестве туриста или учащегося. Но эти формулы жизни не являются практикой свободы. Можно сколько угодно гадать о благе эскапизма и важности традиционных укладов, но очевидно: есть и другие. Многие нуждаются в знаниях о мире для того, чтобы в нем что-то делать.

Человек стоит перед миром. Он осознает, что ему не спрятаться от всепоглощающего темпа, от постоянных изменений на планете. Он видит, что собственная пассивность может просто «стереть» его жизнь, а потоки информации могут растворить его ценности, желания, мечты.

Наконец, каждую минуту стареющие практики изменения мира, стареющие институты влияния (прежде всего – государства и корпорации) не являются безальтернативными – о себе громко заявляют новые.

Маркетологи корпораций и специализированных компаний, чиновники внешнеполитических ведомств и государственные статисты уже давно бьют тревогу. Население мира, люди непрерывно автономизируются, дифференцируются, «расслаиваются». Объединяясь в аудиторные группы, сообщества, команды, человечество обесценивает систему государственного контроля, методики исследований социологии и экономики. Для того, чтобы жить едиными темпами с современным человечеством, чтобы влиять на мир, нужна особая практика, основанная на «новом гуманитарном синтезе». Мы имеем сегодня методологию, адекватную вызовам современности. Речь идет о практике «ER». Перешагнув работу с массовым сознанием (PR-технологии), отбросив за ненадобностью GR, наш коллектив работает в рамках ER-стратегии и ER-подхода.

История – мать мудрости. Мы можем вспомнить о «волнах великих переселений», менявших облик планеты. Не вредно будет переосмыслить идею ПУТИ, имевшую ключевое значение во всех религиях мира. Можно перечитать «Библиотеку приключений», road-story, книги русского жанра «хождений» и подборку свидетельств о паломничествах. Можно начать разбираться с собой: чего хотел достигнуть и что хочется делать-в-мире. Суть одна: человек сегодня стоит перед миром таким же свободным, одиноким и амбициозным, как и много веков назад.

И пока никто не знает, как изменится мир, когда таких людей будет большинство.

Мы работаем в режиме ER, формируем мировую инфраструктуру нового поколения ученых. Пока получается. Присоединяйтесь... ■

Руководство по инвестированию на рынке предметов искусства / Art Investment Handbook

Коллектив авторов (С. Скатерщиков, В. Кориневский, О. Яковенко, К. Пихлер, Т. Цимке, Н. Хансен). – М., Альпина Бизнес Букс, 2006. – 224 с.

Книги: тоска по возвышенному

Книги по арт-бизнесу – редкость: кино («Афера Томаса Крауна» или «Игра Рипли») опережает печатное слово. Мы листаем альбомы по искусству, изучаем каталоги, чтобы что-то купить. Мысль о том, чтобы превратить арт-рынок в источник постоянного дохода, в сферу долговременной инвестиционной деятельности, – пока еще нова. Можно ли вообще что-либо затевать в этом мире частных коллекций и непредсказуемой моды? Авторы недавно вышедшего пособия считают себя вправе ответить на этот вопрос утвердительно.

Вышедший одновременно на английском, немецком, китайском (Mandarin Chinese) и русском языках хэнбук анонсирован как первое издание, адресованное тем, кто собирается работать с предметами искусства так называемого музейного качества. Речь идет об оценках самого дорогого сектора арт-рынка – художественных работах (картинах и скульптурах), занимающих первые 500 мест в рейтингах (от 5 322 923 долларов США). Но, несмотря на мнение издателя о том, что книга может быть полезна достаточно небольшой аудитории, «Руководство по инвестированию...» интересно для всех, кто иногда совмещает искусство и деньги.

Дело в том, что каждый год инвестиции в искусство и предметы культа растут бешеными темпами – сопоставимыми с «горячим» рынком real estate. Но мы не знаем – никто не знает – кто куда и по каким причинам инвестирует. Вся разница с другими сферами бизнеса – той же недвижимостью – в том, что арт-рынок пока не поддается расчету. Это пока слабо изученный рынок, ограниченный достаточно небольшим количеством постоянных участников, личными связями и «дурными деньгами». Очевидно, что попытки систематизировать знания об этом сегменте экономической активности предпринимались не раз. Видимо, безрезультатно, раз солидный хэнбук ограничивается самыми дорогими произведениями искусств. Но при этом книга намечает картографию арт-рынка, знакомит читателя с необходимой инфраструктурой: музеи, частные коллекции, экспертные бюро, арт-фонды, аукционы и т.д. Приводятся любопытные таблицы коэффициентов стоимости, в которых

делается попытка обосновать такую тонкую материю, как ценообразование. Авторы убеждены, что на арт-рынке существует очевидный запрос на реинжиниринг бизнеса, на создание новых институтов: «Осенью 2005 года отрасль арт-фондов все еще пыталась найти свое место под солнцем – размер привлеченных такими фондами денежных средств оставался незначительным. Около десяти объявивших о своем существовании фондов ... декларировали намерение привлечь в общей сложности 1 млрд долларов для инвестирования в предметы искусства. Однако в реальности на сентябрь 2005 года они располагали не более чем 200 млн долларов США и инвестировали на рынке только 100 млн долларов в год. Становится очевидным, что только единицы из созданных на сегодня фондов смогут инвестировать свои капиталы в предметы искусства ответственным образом, предлагая пайщикам выкуп паев фонда».

Книга популяризирует точку зрения и методики оценок арт-рынка компании Kunst Asset Management, которая, похоже, объявила войну «черным» арт-дилерам и «свободным агентам». Сегодня арт-рынок стал передним краем важнейшей дискуссии о пределах экспансии корпораций и о возрождении «нации свободных агентов».

При том, что в книге с немецкой методичностью проводится мысль о неисчерпаемости рынка искусства, вывод при ее прочтении совершенно противоположный.

«При общем объеме капитализации в 6,3 млрд долларов США, годовом публичном обороте торговли на уровне 5–6 % от общего размера рынка и практически полном отсутствии повторных продаж (29 повторных продаж работ из списка Kunst AM Top 500 за последние 10 лет) очевидно, что рынок наиболее дорогих предметов искусства практически закрыт для международных институциональных инвесторов. Используя аналогию с фондовым рынком, сегмент предметов искусства инвестиционного качества состоит лишь из шести «голубых фишек». Только одна из них имеет рыночную капитализацию выше 1 млрд долларов США (Пикассо), и всех их объединяет общая проблема – ничтожное число доступных для

инвестирования предметов искусства в обращении». Другими словами, рынок жаждет новых шедевров, новой моды. Несмотря на резкое разграничение «надежного» сегмента рынка – признанных шедевров, от рискованного и плохо структурированного сегмента арт-рынка – предметов искусства рангом пониже, авторы пособия дают неожиданный прогноз: здесь никто не застрахован от ошибок. Арт-рынок будет продолжать сотрясать «иррациональность» и «мальчишеский разгул цен». (В качестве типичного примера «иррационального поведения» в книге приведена покупка В. Вексельбергом яиц Фаберже.) При трансформации музеев в мультимедийные тематические центры, при усилении продюсерских и информационных технологий, при ожидаемой переструктуризации арт-рынка остается открытым только один вопрос: как угадать новых гениев и как предвосхитить моду на конкретные произведения и направления? Очевидно, что эта проблема выходит за рамки чисто экономических методик и воплощает в себе ту самую иррациональность, против которой протестуют авторы.

Эта книга уже является второй значительной работой по исследованию арт-рынка (первой можно считать недавно переведенную на русский книгу: Филип Котлер, Джозеф Шефф «Все билеты проданы. Стратегии маркетинга исполнительских искусств»/Standing Room Only: Strategies for Marketing the Performing Arts, – об актуальности которой для России нужен отдельный разговор). Тревожный звонок: до недавнего времени считалось, что на русском арт-рынке представлен только антиквариат, продвижение российского исполнительского искусства по плечу только государству, а сделки по покупке шедевров русского искусства – образчики «иррационального поведения» богатых эмигрантов и олигархов. Видимо, уже что-то поменялось – ждут прихода на рынок новых покупателей, новых течений и предметов искусства. Скорее всего, формируется запрос на новый тренд, новую моду, вместе с потребностью хоть как-то навести порядок в мире прекрасного – этом царстве вечных страстей и вечной неудовлетворенности. ■